

Жданова Людмила Александровна**Zhdanova Lyudmila Aleksandrovna**

преподаватель кафедры истории, культурологии
и музееведения
Краснодарского государственного института
культуры

Lecturer, History, Cultural Studies
and Museology Department,
Krasnodar State Institute of Culture

УСАДЕБНОЕ НАСЛЕДИЕ КУБАНИ: К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ [1]

THE MANOR HERITAGE OF KUBAN REGION: CONCERNING PRESERVATION OF CULTURAL MEMORY [1]

Аннотация:

Русская усадьба как уникальный объект культурного ландшафта страны является неотъемлемой составляющей культурно-исторического наследия Кубани. Опасность безвозвратного исчезновения усадьбы обусловила активную деятельность по сохранению этого феномена материальной культуры, выявление, изучение и интерпретация которого позволят сохранить культурную память, составляющую историческую основу будущего. В статье на материалах архивов и полевых исследований рассматривается усадебное наследие Кубани как национальное достояние, требующее к себе бережного отношения и пристального внимания со стороны специалистов различного профиля.

Ключевые слова:

усадебная культура, памятники усадебной архитектуры, культурная память, духовное единство народов России, Кубань.

Summary:

Russian manor as a unique object of cultural landscape of the country is an integral part of the historical and cultural heritage of Kuban region. The risk of irremediable disappearance of manors has caused the vigorous activity for keeping this phenomenon of material culture, discovery, study and interpretation of which will help to preserve the cultural memory as a historical basis of the future. Basing upon archival records and field studies, the article considers the manor heritage of Kuban region as a national asset that requires gentle and closest attention of various experts.

Keywords:

manor culture, monuments of manor architecture, cultural memory, moral integrity of Russia's nations, Kuban region.

Сохранение культурного наследия в условиях девальвации общепризнанных ценностей и искажения ценностных ориентиров является одной из приоритетных целей государственной культурной политики. Русская усадьба, ставшая духовной крепостью для многих поколений русских людей, явила собой особый мир со своими традициями, семейными праздниками, кругом друзей и единомышленников. Родовые гнезда русской аристократии сталиместищем изящных искусств и театра.

Довольно короткая жизнь русской усадьбы оборвалась в 1917 г. Это время стало началом бессмысленного варварского разрушения усадеб, которое длится по сей день. Неоднократные обращения исследователей к событиям прошлых лет, казалось бы, давно раскрыли самые печальные страницы нашей истории. Между тем новые документы, выявленные в архивных фондах и сохранившие мысли и чувства людей, которых лишали не просто имущества, а значительного периода жизни, побуждают исследователей вновь и вновь возвращаться к теме усадеб.

Ниже приведены строки из письма Екатерины Львовны Вербицкой – дочери отставного полковника Кубанского казачьего войска, лишившейся своего имения, которому были отданы лучшие годы жизни.

Кубанское областное правление

Заведующему земельным отделом Куб[анской] обл[ласти]

Г-ну Е. Т. Городецкому

Дочери полковника Екатерины Львовны Вербицкой

В № 4 «Вольной Кубани» прочитала очень печальное известие, что с 1 января 1918 г. все частновладельческие имения переходят в ведение земельных органов Кубанского краевого правительства и доводится до всеобщего сведения всех начальствующих лиц на местах не допускать никаких захватов земель и инвентаря, запашек, порубок и т. д. Неужели мое культурное имение с прекрасными постройками, породистым племенным скотом разных пород, на собиране которого истрачена масса денег, корма, труда и времени, должно все погибнуть для меня и я останусь нищей? Ведь один ужас наполняет душу. Где правда, зачем трудилась 20 лет лучшей жизни, теряя здоровье, приобретала массу машин земледельческих и паровой плуг? Одно горе за другим приходит, беда за бедой.

9 января в четыре часа вечера 9 членов Народной комиссии приехали в мое имение... Несмотря на мою болезнь, потребовали немедленно принять их, угрожая в противном случае силой войти в дом или сейчас ехать в станицу Темижбекскую, ударить в набат и громить имение без всякой пощады. Принятые мной Криворучко и Самарский заявили, что, как члены Народной комиссии станицы Темижбекской, они уполномочены описать весь мой живой и мертвый инвентарь, также зерновой хлеб, взять все под охрану, распродать все, вырученные деньги планомерно распределить между жителями ст. Темижбекской. Несмотря на мой протест в незаконности их власти, Комиссия все описала, даже мебель, все вещи, в кладовых все запасы. <...>

12 января собирают общий сход под удары церковного колокола для решения, когда назначить распродажу всего имения и как делить (имение) деньги. <...> Положение ужасное, оставлена на произвол судьбы. Просила помощи у войскового атамана, но даже не получила ответа, а раньше обедал. Прошу Вас помочь страшному горю, может быть, начнут мучить, убьют. Неужели нет власти, всюду беспорядок... Помогите советом и заступничеством пред начальством. <...> Дочь полковника Е. Вербицкая. 11 января 1918 г.» [2, л. 1–2].

Уничтожение десятилетиями создаваемой культуры сыграло свою губительную роль. Произошли не просто утрата памятников усадебной архитектуры, запустение садово-парковых ансамблей, расхищение уникальных художественных коллекций – налицо были необратимые процессы, произошедшие в сознании людей: само существование усадьбы поставлено под сомнение, словно существовала она только в воображении художников, писателей и поэтов. Прискорбно осознавать, что в зону безвестности попали усадьбы воспетого классиками Кавказа. Конечно, не всей его территории, а только той части, которая располагалась в северо-западной стороне и до революции называлась Кубанской областью (ныне часть Краснодарского края).

На карте Российской империи Кубанская область как новая административно-территориальная единица появилась во второй половине XIX в. Указом императора Александра II от 08.02.1860 г. правое крыло Кавказской линии стали именовать Кубанской областью [3].

Мирная жизнь на Кавказе установилась после 1864 г., когда завершилась многолетняя война. Приграничная когда-то зона стала открытой гражданской территорией. В регионе начались кардинальные преобразования, в том числе юридическое закрепление права собственности на землю.

Стремление царского правительства сформировать на Кавказе лояльную по отношению к правящей элите военно-политическую силу привело к утверждению в 1870 г. «Положения об обеспечении генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чиновников Кубанского и Терского казачьих войск земельными участками в потомственную собственность». Согласно документу, генералы и чиновники не ниже IV класса получили от 800 до 1 500 дес. земли, а офицеры и чиновники более низкого звания – не менее 50 дес. Данная категория служащих составила абсолютное большинство и представляла собой основную часть среднепоместных землевладельцев [4, с. 111].

Дворяне-чиновники получили лучшие кубанские земли общей площадью свыше 200 тыс. дес. Новые имения стали существенным дополнением к владениям, имевшимся в средней полосе России. Среди владельцев были князь Урусов, Голицын, Щербатов, Лобанов-Ростовский, графы Коцебу, Сумароков-Эльстон, Лорис-Меликов, Шереметев, бароны фон Сталь, Розен, Врангель, Меллер-Закомельский и др. Рост дворянско-офицерского землевладения продолжался вплоть до 1880-х гг. [5, с. 349–350].

Доля частновладельческих земель на Кубани была значительно ниже, чем в европейской части России. Это объясняется тем, что в центре страны формирование частного землевладения происходило задолго до отмены крепостного права, в отличие от Кубани, где этот процесс протекал в русле пореформенных преобразований, когда активно развивающийся капитализм привел к бессословной собственности на землю. Возникновение крупнопоместного землевладения и его ликвидация происходили практически одновременно. Громадный спрос на землю в связи с колонизацией края, недостаток на первых порах рабочих рук для ее обработки, отсутствие путей сообщения, необходимых для товарного обращения, неумение приспособливаться к непривычным природно-географическим условиям, отдаленность «пожалованных» и «офицерских» владений от родовых имений в центре страны – все это обусловило быстрое сокращение дворянского землевладения вообще и крупнопоместного в особенности [6, с. 112]. Большинство имений владельцы продавали, поскольку крупные затраты, связанные с обустройством хозяйства, не могли быстро окупиться. Многие участки сдавались в аренду или отдавались в залог, иные просто пустовали.

Прибывшие из Крыма предприниматели-овцеводы за плодородную кубанскую землю предлагали крайне низкие цены: по 15–50 к. за десятину. Многие владельцы вынуждены были продавать свои владения за бесценок. Таким образом, 1860–1870-е гг. стали благодатным периодом для тавричан-овцеводов, перегонявших сюда большие отары овец [7, л. 43–44]. Кубань для многих из них стала долгожданным воплощением мечты о свободе и достатке. В своих «Записках» крестьянин Таврической губернии Иван Иванович Мазаев, переселившийся на Кубань в 1868 г.,

восторженно вспоминал степные кубанские просторы: «Степь покрывалась миллионами различных цветочков: желтых, красных, голубых; запах этих цветов вливался в грудь, и она глубоко вдыхала его и не могла насытиться. Это – упоение! Это – новый мир, недавно сотворенный! Запах цветов опьянял. И в это время пролетали птицы над головой, свистя крыльями; или вылетала из травы утка..., бегали отдельными группами дикие лошади. <...> Ветер разносил запах потревоженной мяты и высокой голубой травы “Матрешки”. <...> Дождь шел чуть ли не через день; маленькие облачки сейчас же превращались в тучу. Грянула гроза, сверкнула молния, и вслед за этим пошел ливень; потом опять и опять... Это было что-то первобытное: необозримая пустыня, степь, орошаемая частыми дождями и росой, и над степью-полем стоит пустынная зеленая гать» [8, с. 93–94].

Спустя два десятка лет в 1920 г. рефреном вторил И.И. Мазаеву обследовавший «бывшие частновладельческие экономии» Кавказского отдела агроном Беляков: «Целина, среди которой расположены... имения, является редким представителем обширных прежде Прикубанских степей. Разнообразие и богатство флоры, большое количество мотыльковых, даже на глаз проезжающего, оригинальный вид высокого разнообразного травостоя с толстым мягким слоем прошлогодней травы у земли, с кустиками тернов и шиповника, дают оригинальный характер степи и сильно отличают ее от других южнороссийских степей. <...> Флора Прикубанской степи настолько оригинальна, что ее следует сохранить от полного уничтожения, хотя бы в небольшой площади, как заповедник, для потомков. По этой целине у Николенко ходили отары испанских овец, а у Петрика паслись верховые и скаковые лошади» [9, л. 112–113].

Самые лучшие по почвенным показателям земли находились в восточной стороне Кубанской области и включали часть Баталпашинского, Лабинского и Кавказского отделов (до 1888 г. – уездов).

К концу XIX в. на фоне сокращения дворянско-офицерского землевладения существенно увеличилось число купеческих экономий (например, см. рис. 1). Это были обширные имения, площади которых превышали несколько тысяч десятин. Так, экономии ставропольских купцов Меснянкиных, расположенные в Баталпашинском отделе, занимали свыше 7 тыс. дес. Обширные земельные участки принадлежали екатеринодарским купцам Тарасовым, Богарсуковым и др. [10, с. 183–345].

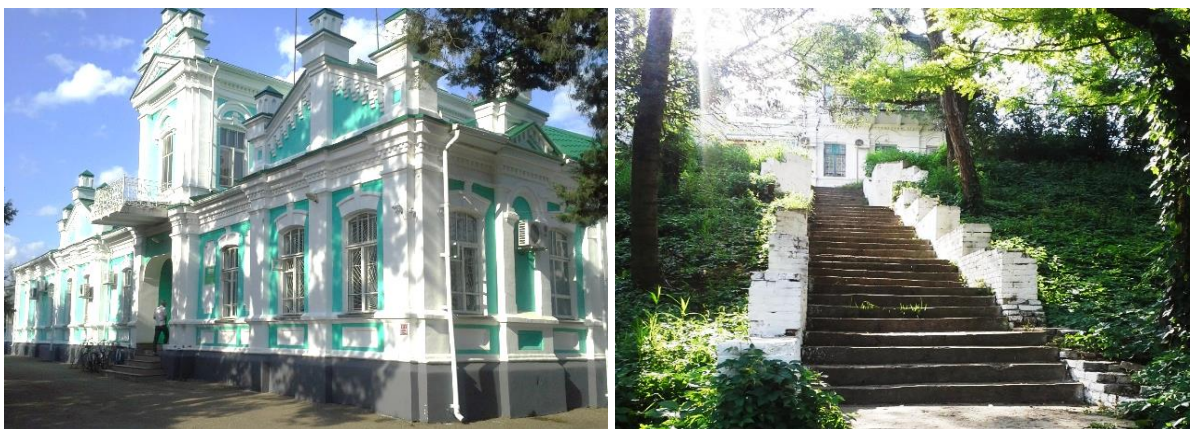

Рисунок 1 – Дом и лестница в парк бывшей усадьбы купца Никиты Фомича Николенко. Поселок Восход Новокубанского района Краснодарского края. Фото автора. 2015 г.

Аграрная специфика региона обусловила формирование усадеб, которые, несмотря на словесную принадлежность владельцев, имели много общих черт. Такая общность объясняется не только утилитарной функцией усадьбы как хозяйственного комплекса, но и уже доказанным многими исследователями стремлением купечества подражать дворянству.

До недавнего времени само существование усадеб на Кубани вызывало сомнение в среде историков, не говоря уже о людях, мало интересующихся событиями прошлого. Вероятно, это обусловлено тем, что Кубань издавна считалась исконно казачьей территорией и представляла собой пограничные рубежи южных окраин Российской империи, где непрерывно вплоть до 1864 г. велись военные действия, а значит, усадебной жизни здесь, по мнению некоторых специалистов, просто не могло быть. Однако, как показало предпринятое нами исследование, дворянские, купеческие и крестьянские усадебные комплексы (помимо казачьих), пусть и не столь многочисленные, как в средней полосе, все же были на Кубани. Вместе с тем их выявление и научная интерпретация крайне затруднительны.

Процесс изучения усадьбы «сталкивает» исследователя с фактами, характеризующими реальность, лишенную привычной художественной окраски «дворянских гнезд» Центральной

России. Усадьба на Кубани в большей степени стала средоточием хозяйственной жизни. Вместе с тем она не была лишена покровительства Мельпомены и Талии, о чем свидетельствуют найденные нами материалы в фондах Государственного архива Краснодарского края и Российского государственного архива литературы и искусства.

В имении барона Владимира Рудольфовича Штейнгеля (рис. 2) функционировал временный театр. В доме полковника Иосифа Антоновича Терашкевича регулярно проходили театральные представления, о чем красноречиво свидетельствует размещенная в областной газете заметка: «Спектакли даются в доме гг. Терашкевичей (около станицы [Тифлисской]) и привлекают массу публики: приезжают даже из соседних станиц. Устройством спектаклей мы главным образом обязаны уважаемому Б.И. Терашкевичу, который не только уступает для этого свой дом, но берет на себя положительно все заботы: он режиссер и распорядитель. Но этого мало: последний спектакль был дан на его собственные средства, а сбор с публики, около семидесяти рублей, он любезно предложил в пользу церковной школы» [11, с. 3].

Рисунок 2 – Усадебный дом барона В.Р. Штейнгеля в имении «Хуторок». Фото архитектора Н.Е. Бондаренко. Начало XX в.

В своих имениях землевладельцы устраивали общеобразовательные учреждения и возводили храмы, разводили сады и рощи [12, л. 13 об. – 14; 13, с. 465–466; 14, с. 248, 249, 251, 261]. Названный выше полковник Терашкевич удостоился внимания известного садовода и дендролога А. Регеля, который в очерке «Изящное садоводство и художественные сады», описывая искусственно созданный растительный мир в обследуемых имениях, сообщал: «Трехполосную флору эту с полнейшим успехом культивируют частные лица, как напр[имер] известный плодовод Грабовский ...и содержатель образцового питомника в Тифлисской станице – Терашкевич» [15, с. 369].

Несмотря на выявленные материалы, по-прежнему остается много не заполненных фактами пустот: не найдена информация об архитекторах и владельцах подавляющего большинства усадеб, неизвестны история их создания, точные даты строительства, нет данных о внутреннем убранстве усадеб (за исключением усадьбы барона В.Р. Штейнгеля), мебели, художественных коллекций. Такое положение вещей связано, как нам представляется, с тем, что, во-первых, в войсковом архиве (ныне – Государственный архив Краснодарского края) сохранились документы, имеющие отношение прежде всего к казачьему сословию; во-вторых, до сегодняшнего дня усадебное наследие Кубани, за исключением казачьих усадебных комплексов и городских особняков, не входило в зону исследовательской оптики ученых. Это привело к тому, что в регионе нет систематизированных данных о количестве, пространственной локализации, архитектурных особенностях дворянских и купеческих усадеб и садово-парковых насаждениях, примыкающих к ним. Следствием отсутствия должного внимания исследователей к проблеме стало запустение усадебных комплексов. Многие усадебные дома доживают последние дни, зарастая молодой порослью деревьев. Семейные склепы превращены в подсобные помещения. Ждут реконструкции старинные часовни.

На фоне активно развивающейся в стране работы по реконструкции и музеефикации усадебных комплексов, исследованию усадебных парков Кубань по-прежнему остается неизученной территорией, «вырванной» из общероссийского культурного поля.

Совсем недавно (в 2015 г.) началась планомерная работа по выявлению, изучению и популяризации усадебного наследия региона. В ходе экспедиционных выездов (в рамках поддержанного РГНФ проекта) по обследованию усадебного наследия северо-восточных районов Краснодарского края, работы в краевых архивах и музеях начался сбор материала об усадебных комплексах на территории этих районов, их истории и владельцах [16, с. 71–80]. Было выявлено несколько архитектурно-парковых ансамблей, принадлежавших дворянам и купцам. Часть из них функционируют в качестве музеев, церковных приходов, многоквартирных домов, другие находятся в запущенном, полуразрушенном состоянии.

В заключение отметим, что на сегодняшний день, к сожалению, множество усадеб на Кубани безвозвратно утрачены. В связи с этим возникает необходимость в выявлении и сохранении имеющихся памятников усадебной культуры, их классифицировании, определении региональных особенностей, анализе пространственно-планировочной среды усадьбы и прилегающей к ней садово-парковой территории. Необходимость данной работы очевидна, поскольку сохранение и популяризация усадебного наследия региона позволят не только заполнить лакуны, имеющиеся в истории и культуре Кубани, но и сохранить культурную память, являющуюся основой духовного единства народов России.

Ссылки и примечания:

1. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-34-01028.
2. ГАКК (Гос. арх. Краснодар. края). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 200. Л. 1–2.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 35. Ст. 35421.
4. Ратушняк В.Н. Кубанские исторические хроники: малоизвестное об известном. Краснодар, 2015.
5. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996.
6. Ратушняк В.Н. Указ. соч. С. 112.
7. ГАКК. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 158. Л. 43–44.
8. Записки Ивана Ивановича Мазаева. 1897 г. Воспоминание детства, отрочества и более позднего времени. Ростов н/Д., 1913. № 3.
9. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 437. Л. 112–113.
10. Список землевладельцев Кубанской области и Черноморской губернии за 1909–1911 гг. Екатеринодар, 1911.
11. Кубанские областные ведомости. 1896. № 29.
12. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 442. Л. 13 об. – 14.
13. Михайлов Н.Т. Справочник по Ставропольской епархии. Екатеринодар, 1910.
14. Кубанский календарь на 1916 г. Екатеринодар, 1916.
15. Регель А. Изящное садоводство и художественные сады. СПб., 1896.
16. Гангур Н.А., Жданова Л.А. Кубанский след баронов фон Штейнгель: из прошлого и настоящего имения «Хуторок» // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 4. С. 71–80.

References:

- Gangur, NA & Zhdanova, LA 2015, 'Kuban trace of barons von Steingel: from the past and present of the estate "Khutorok"', *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, no. 4, pp. 71-80, (in Russian).
- 'Kuban calendar for 1916' 1916, Ekaterinodar, (in Russian).
- 'Kuban regional sheets' 1896, no. 29, (in Russian).
- 'List of landowners of the Kuban region and the Black Sea province for 1909-1911' 1911, Ekaterinodar, (in Russian).
- Mikhailov, NT 1910, *Guide for Stavropol eparchy*, Ekaterinodar, (in Russian).
- 'Notes of Ivan Ivanovich Mazaev. 1897. Recollection of the childhood, the adolescence and the later time' 1913, Rostov-on-Don, no. 3, (in Russian).
- Ratushnyak, VN (ed.) 1996, *Essays on Kuban history from ancient times to 1920*, Krasnodar, (in Russian).
- Ratushnyak, VN 2015, *Kuban memorials: little-known data about well-known facts*, Krasnodar, (in Russian).
- Regel, A 1896, *Elegant gardening and artistic gardens*, St.-Petersburg, (in Russian).